

К О Л Л Е К Ц И Я

Герман ГЕССЕ

Из книги "ЛЕГЕНДЫ"

перевод с немецкого Вадима Линейкина

Герман ГЕССЕ /1877-1962/, швейцарский писатель. Автор книг: "Паломничество в страну востока" /1915/, "Тропа мудрости" /1917/, "Демиан" /1919/, "Степной волк" /1927/, "Игра в бисер" /1943/ и многих других.

Лауреат Нобелевской премии по литературе /1946/. Значительная часть произведений Г.Гессе переведена на русский язык.

КАЗНЬ

Отправившись в путь, наставник и несколько его учеников сошли с горы на равнину и приблизились к стенам большого города. Неподалеку от городских ворот собралась толпа. Подойдя ближе, путники увидели возведенный эшафот и палачей, которые, сняв с позорной телеги измученного и обескровленного тюрьмой и пытками человека, волоком тащили его к плахе. Народ же толпился вокруг, посылая вслед приговоренному насмешки и плевки, и ждал исполнения приговора с нетерпением и буйной радостью. "Кто сей, — спрашивали друг друга ученики, — и что такого мог совершить он, если народ столь жаждет его смерти? Никого не видим мы здесь, кто плакал бы и жалел бы его".

"Я думаю, — сказал учитель печально, — что это еретик". Пройдя дальше и пробравшись в глубь толпы, юноши с участием стали выспрашивать людей об имени и преступлении того, которого видели сию минуту стоявшим на коленях у плахи.

"Сей есть хулитель и поругатель веры!" — яростно кричали им в ответ. "Ай, наконец-то склонит он свою проклятую голову! Туда и дорога! Слыхано ли, этот пес вздумал учить нас, будто град небесный имеет лишь двое ворот, — да не на таких напал: кто-кто, а мы-то хорошо знаем, что их двенадцать!"

Удивленно обернулись юноши к наставнику и спросили: "Как угадал ты, учитель?" Он усмехнулся и пошел дальше.

"Это было нетрудно", — сказал он тихо, — "Будь он убийца, или вор, или какой-нибудь другой преступник, мы увидели бы в народе сострадание и участие. Иные плакали бы, жалея его, а иные уверяли бы, что он невинен. Но на казнь того, кто дерзнул иметь собственную веру, народ смотрит без сострадания, и труп его бросают на растерзание псам".

КИТАЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

О Менг Хзё рассказывают такое:

Когда стало ему известно, что недавно юные художники придумали упражняться в стоянии на голове, чтобы достичь таким образом нового видения, он тут же сам встал на голову и, постояв некоторое время, сказал своим ученикам: "Невыразимо прекрасным и новым предстает мир глазам моим, стоит лишь встать мне на голову".

Это его изречение быстро перешло из уст в уста, и сторонники нового способа немало торжествовали по поводу того, что старый учитель подтвердил и одобрил их опыты. А поскольку был он известен своим немногословием и воспитывал не столько поучениями, сколько одним своим присутствием и примером, то любое его высказывание было всегда событием, известным каждому.

И вот, вскоре после того, как слова его обрадовали и восхитили тех, кто изыскал новый способ, и вселили недовольство и раздражение в сердца тех, кто хотел довольствоваться прежним, стало известно другое его высказывание. Менг Хзё, свидетельствуют люди, изрек такие слова: "Как хорошо, что у человека есть две ноги! Стояние на голове не благоприятствует здоровью, и если выпрямится стоящий на голове и встанет на ноги, то вдвойне великолепным предстанет мир взору его!"

Эти слова вызвали большое неодобрение как юных приверженцев стояния на голове, которые считали, что он предал их и теперь высмеивает, так и почтенных мандаринов.

"Сегодня, — говорили мандарины, — Менг Хзё говорит одно, а завтра уже — совсем противоположное. Но ведь не может существовать двух противоположных истин. Кто же станет теперь серьезно относиться к выжившему из ума старику?"

Мастеру передали, что говорили о нем между собой сторонники новшества и мандарины. Он, однако, лишь посмеялся на это. И когда попросили у него объяснений, он сказал: "Существует действительность, дети мои, и в ней все неизменно. Истин же, то есть состоящих из слов мнений о действительности, существует бесчисленное множество, и каждая из них настолько же верна, насколько ложна".

Долго пытались ученики заставить его сказать что-нибудь еще, но тот и вправду был скупой на слова.

ПРИТЧА О СЛЕПЦАХ

По следам Вольтера

В первые годы существования приютного дома для слепых, обитатели его были, как известно, равноправны и все немудреные свои дела решали большинством голосов. На-ощупь они безошибочно отличали медные деньги от серебряных, и вряд ли нашелся бы хоть один среди них, кто спутал бы на вкус мозельское вино с бургундским. Также и обонянием могли они похвастаться более тонким, чем у их зрячих соседей. Они блестяще резонерствовали о четырех своих чувствах, зная в этой области все, что только доступно знанию, и жили так мирно и счастливо, как только могут слепые.

Все бы хорошо, да однажды, как на грех, появился в среде их один учитель, который утверждал, что ему прекрасно ведомо все относящееся к области зрения. Он стал произносить речи, строить козни и интриги, завоевал множество сторонников и добился, наконец, того, что был избран главой всей слепой общины, сразу же принявшись единолично судить на этом посту о мире цветов и красок. С той поры все пошло вкривь и вкось.

Сей первый диктатор слепцов перво-наперво сколотил небольшой совет, с помощью которого прибрал к рукам все подаяние, что доставалось на долю общины. Теперь никто уже не осмеливался прекословить ему.

Он провозгласил, что все одеяния слепых — белые. Слепцы поверили ему и много говорили о своих красивых белых одеждах, хотя ни один из них не был одет в белое. И, когда весь мир стал насмеяться над бедолагами, они пришли к диктатору и пожаловались ему. Он принял их очень сурово и обошелся с ними, как с отступниками и вольнодумцами, что дают совратить себя бессмысленным глупцам, имеющим глаза. Неслыханными отступниками назвал он их, что позволили себе усомниться в непогрешимости своего вождя.

В результате распрей по этому вопросу вся община раскололась на две партии.

Дабы успокоить народ, самодержец выдвинул новую версию, по которой выходило, что одежды слепцов на самом деле — красные. Это тоже была неправда: никто из слепых красной одежды не имел. Еще пуще прежнего стали смеяться повсюду над бедными слепцами, и новые жалобы стали раздаваться внутри общины.

Владыка пришел в ярость, но и все остальные тоже, и жаркая ругань не утихала до тех пор, пока слепцы не сошлись на том, чтобы до поры до времени вообще не говорить о красках.

Один тугой на ухо прочел недавно эту историю и согласился с тем, что слепцы не правы, когда начинают рассуждать о цветах. Однако же остался при твердом убеждении, что о музыке имеют право судить только глухие.

О ВЛЮБЛЕННОМ ЮНОШЕ

История эта приключилась в те времена еще, когда жил на земле святой старец Илларион. В городе Газе, где он родился, жила простая и скромная супружеская чета, которой Создатель в знак благословения своего послал умную и прекрасную лицом дочь. Нежная девочка росла всем на радость смиренной и добродетельной, наставляемая родителями ко всему благому и в своей скромной прелестности воистину подобная ангелу небесному. Вокруг белого лба ее вились темные с переливом волосы, ее всегда кротко опущенные долу глаза были обрамлены длинными черными ресницами, и на восхитительных маленьких своих ножках она ходила легко и прворно, словно газель между пальмами. На мужчин же она не глядела даже и краем глаза, ибо однажды, когда на четырнадцатом году жизни ее постиг смертельный недуг, родители ее принесли Богу святой обет отдать девочку Ему в невесты, если только Он пошлет ей спасение. И Господь принял жертву.

В это чистое создание влюбился юноша, который жил в том же самом городе. Он также был красив и строен, был сыном состоятельных родителей, которые со всем рвением и заботой воспитывали его. С того же момента, как он полюбил девушку, он не занимался ничем более, как поисками любой возможности видеть ее, и если встречалась она на его пути, он, восхищенный ее красотой, следил за ней взором, полным желания и страсти. А когда долго случалось ей не появляться, он становился бледен и сумрачен, проводя дни во вздохах и тоске.

Поначалу он не смел открыть ей свою любовь, ибо ему было известно, что дева эта не носит в своем сердце иной любви, кроме любви к Богу и к своим родителям.

Но наконец, измученный страстью, он написал ей длинное умоляющее письмо, где объяснился ей в пламенной любви и просил его принять и жить с ним в счастливом и богоугодном супружестве. Свое письмо он посыпал благородной персидской пудрой и, обвязав шелковым шнурком, тайно отослал своей возлюбленной со старой служанкой.

Та, прочитав его слова, покраснела, как пурпур. Сперва ей пришлось в голову разорвать письмо или тут же показать его матери. Но поскольку она еще с детства знала юношу и хорошо была к нему расположена и в письме его, к тому же, различила свойственные ему скромность и благородство, она не сделала этого, а возвратила письмо старухе, присовокупив: "Верни письмо назад тому, кто написал

его, и скажи ему, чтоб он никогда более не обращался ко мне с подобными словами. Скажи также, что родительскою волею назначено мне быть невестой Господней, так что я никогда не смогу отдать свою руку мужчине, но должна и хочу оставаться девой, служа Господу и чтя Его, ибо Его любовь дороже мне и ценнее, чем человеческая. И скажи ему, что пока я не найду того, чья любовь будет дороже для меня, чем любовь Бога, я останусь верна своей клятве. Ему же, тому, кто написал это письмо, я желаю мира Господня, который выше всех благ, о которых может помыслить человек. Теперь ступай же и знай, что больше я не приму из твоих рук ни одного послания".

Служанка, удивленная такою стойкостью, возвратилась к своему господину, отдала ему нааад письмо, пересказав все, что говорила ей дева. И хотя она добавила множество утешительных слов, юноша разразился стенаниями, разорвал на себе одежду и посыпал голову землей. Он не рисковал больше встречаться с девушкой лицом к лицу и искал лишь издалека поглядеть на нее. Ночи он проводил в своей комнате без сна, шепча имя своей возлюбленной, зовя ее сладостными, нежными именами, своим светом и своей звездой, своей пальмой, утешением глаз своих и жемчужиной и, очнувшись от своих фантазий и находя себя в одиночестве темной комнаты, скрипел зубами, проклинал Бога и бился головой о стены.

От земной любви и угас в его сердце страх перед Господом. И дьявол, найдя доступ в его сердце, погнал его от одного нечестия к другому. Юноша поклялся в душе, что овладеет своей возлюбленной любой ценой, хотя бы даже и силой. Он направился в Мемфис, поступил в обучение к языческим жрецам Асклепия и обучался искусству магии. Целый год предавался он с огромным рвением изучению этой науки и лишь после этого возвратился в Газу.

Возвратившись, он выбил на медной дощечке символ и магические слова, что были сильным заклинанием любви. Эту табличку он тайно зарыл ночью под порогом дома, в котором жила его возлюбленная.

Уже на следующий день девушка совершенно переменилась: глаза ее, всегда столь скромно опущенные, засветились лукавым огнем, она выплела ленту из косы и позволила волосам свободно развеиваться по ветру, она забыла прочитать утреннюю молитву и пропустила богослужение и целый день тихо напевала любовную песенку, которой ее никто не учил.

Это состояние усугублялось день ото дня, а по ночам она металась на своих подушках и повторяла имя юноши, зовя его к себе и называя любимым.

Но недолго эти перемены оставались скрытыми от ее родителей. Встревоженные словами и манерами, каких раньше у нее не замечали, они подслушали однажды ночью ее одинокие речи и испугались настолько, что отец даже порывался сперва заколоть свою неудавшуюся, как он назвал ее, дочь. Мать, однако, призвала его к терпению, они стали выяснять, что к чему, и вскоре пришли к убеждению, что причина такого несчастья может быть только в колдовстве.

Поскольку одержимость не покидала деву, и та продолжала дерзко прекословить родителям и все звала своего любимого, родители вспомнили о святом отшельнике Илларионе, который с некоторых пор жил в удаленной от города пустыне и был так близок к Богу, что любая его молитва могла быть услышана. Он излечил такое множество больных и прогнал столь многих бесов, что наряду со святым Антонием мог быть, пожалуй, назван могущественнейшим из служителей Божиих. Они привели к нему свою дочь и стали молить его об исцелении, рассказав, как все произошло.

Святой повернулся к девице и воскликнул: "Кто это из служительницы Божьей сделал тебя сосудом злой страсти?" Она же, взглянув на того, чье тело иссушилось постом и кожа опалилась солнцем, стала осыпая его насмешками, ставить в пример ему свою белую кожу и гладкое тело и дошла до того даже, что назвала Божьего человека корявым пугалом, так что несчастные ее родители упали на колени, не зная, что делать от стыда. Илларион, однако, лишь улыбнулся, ибо он сразу узнал вселившегося в девицу беса, который настолько одолел бедняжку, что уже перестал маскироваться. Единым духом изгнал святой яростно сопротивлявшегося демона из ее тела, и тут же она очнулась как от болезненного сна, узнала и приветствовала своих плачущих родителей, попросила у Иллариона благословения и в тот же час стала такою же ревностной служительницей Божией, как и прежде.

Юноша, между тем, ждал, когда колдовство возымеет действие и пригонит его возлюбленную в его объятия. В твердой надежде провел он те несколько дней, во время которых с нею происходило только что рассказанное.

Однажды, когда она уже исцелилась и возвратилась в город, он, идя по переулку, заметил ее издали и пошел ей навстречу. Но, приблизившись к ней, он увидел, что лоб ее сияет той же чистотой, что и прежде, и даже больше того: по всему лицу ее было разлито такое благодатное и мирное сияние, что казалось, она только что вышла из ворот рая. Тронутый, юноша затаил дыхание и, глядя на нее, начал

уже стыдиться своего греха. Однако, веря в действие колдовства, он переборол себя и, подойдя к ней и взяв за руку, спросил: "Ну, любишь ли теперь меня?"

Дева, не покраснев, подняла на него взгляд, и ему почудилось, будто на него глядят звезды. С несказанною лаской и добротой поглядела она на него, пожала его руку и сказала: "Да, мой брат, я люблю тебя. Я люблю твою бедную душу и прошу тебя, вырви ее из объятий скверны и возврати Богу, чтобы она снова стала чиста и прекрасна".

Как бы невидимая рука коснулась его сердца, его глаза были полны слез, и он воскликнул: "О, значит, я должен навсегда отказаться от тебя? Но повели мне, что теперь делать, ибо я не хочу делать больше ничего, кроме того, что хочешь ты".

Тогда она рассмеялась, как ангел, и сказала ему: "Ты не должен навсегда отказаться от меня. Наступит день, когда мы предстанем перед Господним троном. Давай надеяться, что мы сможем поглядеть Богу в глаза и выдержать Его суд. Тогда я смогу стать твоей подругой. Лишь ненадолго должен ты разлучиться со мною".

Он медленно отпустил ее руку, и, улыбаясь, она пошла дальше. Юноша же стоял некоторое время, как привязанный, затем пошел, запер свой дом на замок и отправился в пустыню, чтобы служить Богу. Красота его исчезла, он стал тощ и темен кожей, он делил свое жилище со степными зверями. И когда уставал он и мучился от сомнений и не находил больше нигде утешения, то сотни раз повторял себе слова: "Лишь ненадолго..."

Но медленно шло время для него; волосы его поседели, а затем и совсем стали белыми, и жизнь его на земле продлилась восемьдесят один год. Но что такое восемьдесят лет? Времена унеслись прочь, будто на птичьих крыльях. Со времени этого юноши прошла одна тысяча и много сотен лет, и как скоро забудутся и наши дела и имена, и никакого следа не оставят, кроме, может быть, зыбкой, неясной легенды...